

1

*Златоград. Владения клана Мамонтовых.
Магический Лицей. Аудитория 3-А. 11:31*

— ...таким образом, потоки замыкают контур и образуют непрерывное кольцо. Плетение получает замкнутый цикл, подпитка идет непрерывно, позволяя заклинанию проработать как можно дольше, — демонстрируя бывалую сноровку, профессор уверенно начертил на доске окончание формулы.

Степенно обернувшись к аудитории — цепкий взгляд оббежал группу студентов, выглядывая над сдвинутыми на нос очками, — помолчал и важно осведомился:

— Вопросы?

Моя рука сама выстрелила вверх.

— Возможно ли начинать вливать энергию до полной развертки плетения? — получив разрешение в виде милостивого кивка, спросил я и тут же уточнил: — Без угрозы разрушения основного каркаса плетения.

Кустистые седые брови преподавателя сдвинулись к переносице, морщинистая рука полезла поправлять очки.

— Зачем? — недоуменно протянул он, немного подумал и сам же предположил: — Чтобы уменьшить время формирования заклинания?

Я кивнул. Профессор обернулся к доске, испещренной многочисленными блок-схемами, поясняющими графиками и связующими уравнениями.

— Полагаю, это осуществимо, — спустя минуту произнес старый чародей. — Но выигрыш составит незначительную величину, не более одной второй секунды.

Мне захотелось фыркнуть. Ничего себе незначительная величина — половина секунды. Иной раз в бою и меньшее может спасти жизнь.

Вот что значит маг-теоретик. Генрих Богданович Кнабе, может, и разбирался в многогранном конструировании разноплановых плетений универсального типа, однако ни черта не смыслил в их практическом применении.

— Одно замечание — при подобном подходе вам придется соблюдать строгий порядок размещения контролирующих узлов, — заметил профессор. — Иначе контур действительно не выдержит перегрузки. Схлопнется за милую душу. И скорее всего, с последствиями для создателя чар.

Ну да, все равно что гранату взорвать у себя в руке. Такие объемы энергии. Бахнет так, что мало не покажется.

— Я бы посоветовал создать дополнительные предохранители на особо опасных участках... — Заскрипел мелок, вырисовывая новые значки к уже существующим.

Кнабе являлся ярым консерватором, терпеть не мог технологические штучки типа интерактивных панелей и всегда пользовался обычной доской и не менее обычным мелом.

— В этом случае вероятность непредвиденного схлопывания уменьшится примерно на тридцать процентов. Полностью избавиться от опасности не получится, энергетические потоки могут преподнести сюрпризы. Да и сама конструкция плетения в незавершенном виде не получит достаточную жесткость. Так что...

Повисла вязкая пауза, мол, хотите рисковать — рискуйте, но не удивляйтесь потом, что башку оторвало.

Что же, справедливо.

— А как насчет разных типов энергии в одном заклинании? Можно ли совместить две стихии при создании единого плетения? — второй вопрос от меня не заставил себя ждать.

Стоило поторапливаться, аудитория пестрела поднятыми руками. Не один я жаждал уточнить кое-какие детали по прошедшей лекции. Такова манера Генриха Богдановича, сначала изложение материала и лишь потом вопросы. В остальное время молчок, студентам строго запрещалось открывать лишний раз рот, сбивая с мысли матерого лектора.

Хочешь уйти — выходи молча. И не дай бог у тебя заиграет телефон, тогда вообще труба, старый хрыч непременно запомнит и обязательно отыграется на тесте или зачете.

— Ах, вы опять об этом, — с видимой досадой пробубнил Кнабе.

— В прошлый раз мы не успели до конца разобрать данный аспект, — напомнил я.

В этом случае недовольства учителя можно не опасаться. При всех своих недостатках, стремление к получению знаний поддерживалось профом безмерно. Даже несмотря на то, что сам он считал обсуждаемую тему полной глупостью.

— Молодой человек, я уже говорил, что невозможно одному магу использовать две разные стихии, — старик помедлил, внимательно взглянул на меня и добавил: — Вы ведь это имеете в виду, не так ли? Не работу двух одаренных для создания общего заклинания?

Мне показалось, в его глазах мелькнула надежда, что я, нехороший такой, все же имею совесть и подтверждаю последнюю фразу усиленным киванием. И что мы не будем тратить драгоценное время на обсуждение несуществимых теорий.

Пришлось его разочаровать.

— В работах Федора Михайловича Малышева указывается, что любая внутренняя энергетическая система имеет достаточную эластичность для оперирования неограниченным количеством энергии различных форм. В том числе с принадлежностью к различным стихиям, — указал я и для наглядности покачал в воздухе планшетом, тем самым демонстрируя готовность доказать сказанное соответствующими выдержками из сетевой библиотеки. Благо серверы Лицея содержали электронные версии всех книг, касающихся изучения магического искусства.

Кнабе не скрываясь поморщился.

— Я знаком с работами Малышева. И могу вас уверить, что это всего лишь абстракция, не подтвержденная какими-либо практическими доказательствами.

— Но... — попытался возразить я.

Профессор меня перебил:

— Вам известен процесс посвящения стихиям? — он испытующе посмотрел мне прямо в глаза. — Вижу, что да.

Я неохотно кивнул. В отличие от большинства студентов, находящихся в данный момент в аудитории и не прошедших через привязку к конкретному виду стихийной магии, мне пришлось пройти через нее почти сразу после инициации колдовским даром.

Причем не абы как, а в самой ее жесткой форме, в Замерзшем Лесу и Чертогах Льда.

— При посвящении идет глобальная перестройка организма неопита, — объяснил профессор. — Следует это четко понимать. Изменения происходят на очень высоком уровне. Например, носители магии Льда, — последовал оценивающий взгляд, брошенный в моем направлении, — без каких-либо последствий могут находиться в условиях сверхнизких температур. Там, где другие не выживут.

— В своем трактате Малышев утверждает про «запас» энергетической системы для принятия «чуже-

родной» энергии, — возразил я. — Необязательно использовать силу иной стихии на полную. Можно довольствоваться небольшой частью.

— Но для этого все равно придется каким-то образом изменить магический дар, иначе он просто не сможет преобразовать энергию в форму другой стихии, — Кнабе укоризненно покачал головой. — Что совершенно невозможно в физическом плане. Как вы себе это представляете?

Старик прищурился, явно ожидая ответа: «не знаю» или пожатия плечами от чрезмерно самоуверенного студента.

Пришлось еще раз его разочаровать.

— Путем постепенного преобразования внутренней энергетической системы, — с невозмутимым видом объяснил я. — Как при посвящении, только не до конца, без кардинальной перестройки организма.

Генрих Богданович открыл рот, помолчал, взгляд из-под очков уставился в никуда, и лишь спустя несколько секунд напряженного обдумывания заметил:

— Разве данная процедура не повлияет на основную способность? И выдержит ли испытуемый нагрузки?

— Только если он окажется слишком слабым, — быстро вставил я.

Идея овладеть еще одной стихией заняла меня неделю назад. Случайно наткнулся на изыскания одного волшебника восемнадцатого века и загорелся. Мысль показалась увлекательной.

Научиться управлять стихией Пространства, хотя бы немного... ммм... невероятно соблазнительно. Такой тандем поднимет любого мага на невиданные высоты.

Профессор задумчиво пожевал губами, рассеянно снял очки и принялся их усиленно протирать, морща покатый лоб.

— Ни один одаренный не согласится на проведение подобных экспериментов над собой, — наконец привел

он последний аргумент в споре. — Риск исковеркать дар слишком велик. Это безумие.

По моим губам пробежала холодная усмешка. Нерешительность теоретика во всей красе. Они могут красиво рассуждать, строить великолепные и стройные теории, но стоит дойти до дела, резко отступают назад.

Вполне ожидаемо. Придется подталкивать. Приманку он явно уже заглотил, ишь, как глазки загорелись. Спорю на сотню, после занятия побежит в библиотеку за трактатами Малышева. Освежить в памяти да вдумчиво почитать, вдруг и впрямь зерно истины скрыто в «сумасбродной затее»?

Ученые от магии ничуть не отличались от деятелей науки. Тоже жаждали славы, открытий, признания.

Совсем не к месту прозвенел звонок, информируя об окончании пары. Дальнейшая дискуссия прервалась сама собой. Не задерживаться на перемене — тоже одно из правил профессора, которому он следовал очень строго.

Чертыхнувшись, я потянулся к выходу, через дверь в коридор, под завязку заполненный студентами, высказывающимися из аудиторий.

— Привет, твое сиятельство, — откуда-то сбоку вынырнула Анька, по-приятельски толкая в плечо.

— Привет, — откликнулся я. — А это откуда? Собираешь макулатуру?

Девушка под мышкой удерживала небольшую стопку книг. Из обычных, что делали из бумаги. Редкое явление в современном учебном заведении, где вместо ручек стилусы, вместо тетрадей экраны планшетов, а учебные материалы скачивали напрямую из сети.

Ретрограды типа старого Генриха не в счет.

— Шутник, — Анька скорчила рожицу, закатывая глаза.

Я ухмыльнулся. Тоже мне, «артистка больших и малых театров».

— Что там у тебя? И охота таскать?

— Да это Шургин попросил передать Косатоновой, — объяснила она. — Сказал, торопится и не успевает занести вовремя. А у нас как раз следующее занятие по «головомойке», вот и отправил вместе со мной. Эксплуататор, блин.

— Ясно.

Упомянутые личности относились к преподавательскому составу, а «головомойка» — урок по умению сохранять концентрацию.

— Ты куда на обед? — спросила подруга, с которой мы были знакомы еще со времен детского дома. — Опять перекусишь на ходу и быстрее изучать новые материалы?

В ответ — неопределенное пожатие плечами.

Я раскрыл секрет успешной учебы. Изучаемый предмет должен вызывать искренний интерес у обучаемого. Вот так вот все просто.

За три месяца я освоил больше, чем иные проходили за год. И все благодаря собственной методике. Отбросил лишнее, структурировал нужные дисциплины, понял, что необходимо в первую очередь. Не гонялся за оценками, в первую очередь делая упор на дальнейшем практическом применении полученных знаний.

По сути, мне и диплом-то даром не сдался. Как и зачеты, экзамены и вся остальная мишура, что сопровождала любой учебный процесс.

Важны знания. И не какие-то субъективные, которые многие учат перед экзаменом, а затем моментально забывают, буквально выйдя за дверь, а те, что смогут пригодиться в будущем.

Для меня это своего рода жизненная необходимость. Вот что подстегивало, вызывало азарт и жажду прилежного обучения.

Отсюда и стремление овладеть скорочтением, тренировка памяти, освоение техники медитации для из-

бавления от усталости и поддержания ясности сознания. Оставаться в тонусе, быть свежим и бодрым, тогда и информация усваивалась легче.

И делал я все это не из-под палки, как нередко бывало у других студиязусов, а потому что хотел этого сам.

Плюс жесткое расписание учебной недели: шесть дней упорного вкалывания на ниве познания, вечер субботы — отвязная вечеринка, воскресенье — отдых. Главное поймать ритм и втянуться. Остальное проще простого.

— Пойдем с нами, посидим, поболтаем, — Анька потянула меня за руку.

Немного подумав и прикинув дальнейший распорядок на сегодня, я небрежно кивнул. Почему бы и нет? Короткая передышка не повредит.

А потом пойду искать Кнабе, надо бы потолковать со стариком насчет принадлежности к двум стихиям поосновательней. Уверен, если хорошо зацепить, то старый маг с удовольствием возьмется за разработку теоретической базы для процесса дополнительного посвящения.

Мы направились через огромный холл к выходу из корпуса. Шел неторопливо, по привычке ловил настоженные взгляды. Кое-кто тайком оглядывался. Что поделать, Виктор Строганов выделялся среди студентов Лицея.

Ветеран Войн Господства, безжалостный исполнитель воли знаменитого князя Кирилла, хозяина зловещих Чертогов Льда — прямо скажем, репутация у меня среди молодых одаренных была отнюдь не белая и пушистая.

— Как сегодня настроение у вашего высочества? — продолжила ерничать Аня, держа меня под руку.

Я протяжно зевнул.

— Не надоело еще подкалывать по одному и тому же поводу? В самом деле, становится скучно.

С самого возвращения в Лицей бывшая подруга не упускала возможности пошутить насчет моего изменившегося статуса.

— Все члены правящего рода носят титулы. Сама же знаешь. Как и то, что это всего лишь формальность, дань уважения традиции, не более.

— Но ведь здорово звучит — принц Виктор, — не унималась острячка.

Я фыркнул и отвесил шутливый щелбан слишком разговорчивой подруге.

— Бремя власти — удел сильных, — нравоучительно проронил я.

Аня нахмурилась.

— Кто это сказал? Кто-то из Строгановых? — осведомилась она.

— Орловы, — ответил я. — Прежде чем предать аутодафе царских посланников Петра Первого. Триста лет назад огненные очень болезненно восприняли попытки подчинить их род.

Девушка недоуменно свела тонкие брови к переносице, следом подозрительно покосилась на меня.

— Ты это о чем?

И даже попробовала остановиться, но я упрямо потянул ее к уже видневшемуся дверному проему с освещенным прямоугольником летнего солнца.

— Кровь ничего не значит при выборе наследника. Претендент должен обладать могучим даром, чтобы справиться с мощью магического источника. Иначе Патриарху конец. Так было во времена «дивных земель», так есть и сейчас. Клан ведет самый сильный. Всегда. Титулы ничего не значат, если у тебя недостаточно сильный дар. А если во главе вдруг встанет недостойный, то слабака прикончат свои же. Такова суть клановой иерархии.

— И что? К чему это все? — Аня слегка отстранилась. Я щелкнул ее по носу и рассмеялся.

— А к тому, что, по существу, все эти титулы не имеют никакого значения. Важна лишь мощь дара. Все остальное тлен и прах. Так и передай особо впечатлительным натурам с богатым воображением, что любят наделять людей дурацкими прозвищами.

— Слышал уже? — Анька поморщилась — Мне тоже не слишком понравилось. Полная глупость.

— Принц стужи, — передразнил я неведомых сплетников. — Что за кретины это придумали?

— Народная молва, — важно ответила Анька, хихикнув.

Дурацкий случай. На полигоне Лицея пару недель назад отрабатывали моделирование трехосной конструкции многоступенчатого плетения с плавающим подключением узлов для активного перетока энергии. Я чуток перестарался, и защитные артефакты не выдержали, импульс сжег гасители и выплеснулся наружу. Утоптанная земляная площадка принялась быстро покрываться корочкой льда, ученики с воплями разбежались, кое-кого успело слегка задеть.

Ерунда, если подумать. Никакой серьезной угрозы всплеск не нес. Максимум небольшое обморожение конечностей, а раздули так, словно взбесившийся «ледышка» захотел перебить группу студентов. До декана дошло.

Дальше комиссия, разбирательство. Оправдали, конечно. Признали несчастным случаем. Разве что чуть не попытались повесить на меня ремонт сломанных артовщитов. Но тут уж я отбрехался, заявил, что сами виноваты, нечего экономить на безопасности.

Мне, разумеется, указали, что гасители не рассчитаны противостоять натиску боевого мага уровня Повелителя Льда, и вообще, нахождение колдуна такого ранга в стенах университета нонсенс по определению.

Я в свою очередь заявил, что меня это не колышет, сами схлтурили, сами и чините. Денег не дам.

Обучение здесь и так влетало в нехилую копеечку. Еще платить за хреновый инвентарь? Разбежались.

Короче, поскандалили, подискутировали, да и разошлись тихо-мирно. Полигон дополнительно укрепили, говорят, там теперь может развлекаться чуть ли не полноценный князь, все нипочем. Монолиты-блокираторы по спецзаказу устанавливали Демидовы, хоть бомбу взрывает, ничего не случится.

А студенты запомнили, ну и прозвали соответствующе случившемуся. Идиотизм, так по-моему, но разве малолетним балбесам и восторженным девицам объяснишь?

И да, я чувствовал себя несравненно старше основной массы здешних учащихся. Пока они сидели в стенах магического универа, мне приходилось по-настоящему воевать. И как ни посмотри, а подобное «временпрепровождение» накладывало свой отпечаток.

— Мы обычно там зависаем на перерывах, — Аня махнула куда-то в сторону, мы уже вышли наружу из корпуса. — Помнишь фонтанчик?

Я послушно напряг память. Точно, было такое. В первое время учебы в Златоградском Лицее. Вроде всего несколько месяцев назад, а ощущается, будто прошло пару десятков лет.

Вот тебе и восприятие времени.

Компания Аньки выглядела слегка странновато. Неряшливо одеты, у парней сальные патлы, на девчонках изобилует дешевая бижутерия. Похожи на каких-то фриковатых хиппи. Дополнительный антураж добавляла одежда далеко не первой свежести в ореоле аромата давно не мытых тел. Не хватало разве что цветочных венков на головах для завершения образа.

Не стоит думать, что я привереда. Одно дело не следить за модой, одеваясь практично и удобно, и совершенно другое натягивать на себя мятую футболку с подозрительными разводами.